



Уже давно Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов задумал и проводит цикл интереснейших встреч с выдающимися современниками – деятелями науки, культуры, политики. Сейчас они собраны в одну книгу «Университетские встречи», которая в ближайшее время выйдет в свет. Мы выбрали из нее беседу, которую вел со студентами и преподавателями Ж.И. Алферов. Нашим читателям нет нужды специально представлять великого физика, поскольку журнал уже в первом номере опубликовал развернутое интервью с ним. Мы были чрезвычайно горды, когда узнали, что наш выдающийся соотечественник, директор Физико-технического института имени А.Ф. Иоффе, вице-президент Российской Академии наук, депутат Госдумы, член Совета Попечителей Санкт-Петербургского Английского клуба Ж.И. Алферов удостоен Нобелевской премии. Присоединяемся к многочисленным поздравлениям в адрес Жореса Ивановича, желаем ему долгого здоровья, дальнейших творческих успехов и новых научных открытий.

РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ

– Почему Ваши родители дали Вам столь экзотическое имя – Жорес?

– Время было такое. Мой папа – старый большевик, вступивший в партию в сентябре 1917 года. С тех пор не изменял этой новой своей вере. До этого он служил в Лейб-гвардии его императорского величества 4-м гусарском полку, Мариупольском, если мне память не изменяет. Воювал в Первую мировую войну, получил два Георгиевских креста за храбрость, стал старшим унтер-офицером.

Он женился на моей маме, и когда родился сын, они назвали его Марксом. Были проведены красные крестины, о которых писала полоцкая газета.

В семнадцать лет в 1941 году Маркс пошел добровольцем на фронт. В 1942 в Сталинграде он вступил в партию. Его товарищи взяли в плен Паулюса. Маркс воевал в 96 отдельной Сталинской бригаде, которая была подготовлена специально для уличных боев в Сталинграде. Потом был Харьков, Курская дуга, где он был тяжело ранен. Он вернулся на фронт и погиб в феврале 1944 года в маленькой украинской деревне Хильки, когда немцы пытались вырваться из котла, во время Корсунь-Шевченковской операции.

Война – это безумно тяжелый период в жизни страны. Мы потеряли миллионы и миллионы человеческих жизней. Вместе с тем война была для нашей страны огромным испытанием, и она показала единство всего народа. Мой брат лежит на украинской земле, он отдал за нее свою жизнь, а значит, что это одна наша общая Родина.

Простите, я не ответил на вопрос, почему меня зовут Жорес. Я рассказал вам, почему моего брата назвали Марксом. А я родился спустя шесть лет. Как говорили родители, они



Приветственное слово академика И.Д. Спасского (на снимке И.Д. Спасский, Г.Н. Ткачев, Е.Я. Лобанов, Ж.И. Алферов)

ждали девочку и не были готовы к появлению еще одного сына. В то время, когда родился я, папа прочитал о Жане Жоресе, основателе газеты «Юманите» и французской социалистической партии, и дал мне это имя.

Много лет спустя, в 1964 году, я оказался первый раз в Париже. В том году французы отмечали 50 лет со дня гибели Жана Жореса, выдающегося борца за мир и одного из самых ярких парламентариев. Он был убит 31 июля 1914 года. Я же, относительно молодой человек, был участником конференции по физике полупроводников. Как и все, я получил карточку участника, где вместо Жорес Алферов было написано А.Жорес, потому что организаторы конференции решили, что Жорес – конечно, фамилия. Я посмотрел на эту табличку, думаю, что же делать? Из буквы «А» я сделал эмблему полупроводникового диода, после имени Жорес дописал Алферов. Мой приятель американский физик Маршалл Нейсон на коктейль-пати устроил скандал: почему русским дают значки с эмблемой полупроводникового диода, а американцам нет?

– Какие моменты в своей жизни Вы считаете счастливыми?

– Самое большое счастье, которое человек вообще испытывает в жизни, – это радость общения, в том числе радость общения с настоящими учителями. Талант учителя – это потрясающая вещь. То, что я пошел в физику, – это проявление таланта Якова Борисовича Мельцерсона, учителя физики в школе в Минске, куда мы приехали в 1945 году.

– И как же Вы почувствовали, что физика – это Ваше призвание?

– Я увлекся электроникой и окончил совсем не физический факультет – факультет электронной техники ЛЭТИ имени Ульянова-Ленина. Ленинградский электротехнический институт в мое время в шутку часто называли «Ленинградский эстрадно-танцевальный с легким электротехническим уклоном», потому что наш институт окончили вели-

борами. Тогда еще такой специальности не было. И я был бесконечно счастлив, когда по распределению попал в Физико-технический институт.

– Считаете ли Вы, что в России уровень образования в вузах ниже, чем за границей?

– Нет, не считаю. Возможно, я уже немножко отстал и несколько хуже, чем пятнадцать-двадцать лет тому назад, знаю уровень образования в наших вузах в целом. Все-таки у меня такое ощущение, что на первых курсах у нас обучать студентов легче, чем в Штатах. Из школы приходят лучше подготовленные ребята и девчата, но дальше картина меняется. Не зря мы все-таки перешли на систему бакалавриата и магистратуры. Магистратура – это два года для подготовки высококвалифицированных специалистов. Перерабатывая по своему некие западные стандарты, мы имеем возможность раньше вовлечь человека в активную работу и вместе с тем сохранить систему образования. У нас есть свои определенные преимущества. В чем мы, безусловно, отставали в течение продолжительного времени, так это в компьютерных технологиях. Думаю, что и по-прежнему отстаем.

– Что можно ожидать от научно-технического прогресса в третьем тысячелетии?

– Дай Бог, чтобы в третьем тысячелетии научно-технический прогресс не породил такие страшные вещи, которые могли бы привести к огромным бедствиям для человечества. Думаю, можно ожидать дальнейшее очень бурное развитие информационных технологий. И если сегодня в ваших компьютерах основная операция «ноль – единичка» происходит за счет переключения прибора и в этом переключении участвуют тысячи электронов, то в новом тысячелетии это будет происходить за счет единичных электронных актов, что приведет к колоссальному увеличению потенциальных возможностей компьютерных технологий.

Наверное по-прежнему основными проблемами в жизни человечества будут оставаться энергетические. Сегодня в Соединенных Штатах Америки мощность потребления энергии одним человеком соответствует величине, исчисляемой киловаттами. Увеличение мощностных характеристик для обслуживания одного индивидуума на планете может привести к очень серьезным последствиям, поэтому-то проблемы энергетики – одни из важнейших. Чернобыль показал, что атомная энергетика таит огромные опасности для жизни людей и планеты, но я, откровенно говоря, не вижу пока реальной альтернативы атомной энергетике. Человечество из-за чернойбыльской катастрофы шарахнулось от нее прочь, но в XXI веке этот вид энергетики станет основным возможно в середине столетия, а может быть несколько позже, будет решена проблема управляемых термоядерных реакций.

(Беседа публикуется со значительными сокращениями).



Во время вручения подарка от Санкт-Петербургского Английского клуба

колепный композитор Александр Колкер, замечательные писатели-сатирики Гиндин, Рябкин и Рыжов. Первые двое приходили ко мне в лабораторию заниматься научной работой, когда я был на 4–5 курсе, но не выдержали больше двух недель. ЛЭТИ, абсолютно всерьез, был ведущим вузом страны в области радиотехники и электроники с великими еще с дореволюционных лет традициями.

У меня была замечательная научная руководительница – Наталья Николаевна Созина. Она привлекла меня к работе в лаборатории на 3 курсе. С этого времени я стал заниматься физикой полупроводников и полупроводниковыми при-



На приеме в честь Нобелевского лауреата. Выступает председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга В.Е. Романов